

ПИСАТЕЛЬ—КРИМИНАЛИСТ—КРИМИНОЛОГ

СЛЕДАК

К нему зашел Виктор Розин.

— Чэпе, — спокойно заявил он. — Кто-то расстрелял часового.

И он пустил с порога в кабинет С. струю едкого противного дыма. Что он курил Крисп не знал, но гадость была жуткая. А не курить Розин не умел. Любой документ он сдабривал одной-двумя сигаретами самого низкого качества. При этом, заканчивая фразу на бумаге, он обдавал ее метко выпущенной струей дыма, прямо на точку, которая под этим дымом тут же умирала и высыхала.

Крисп, морщась от дыма и закашлявшись, спросил:

— Что случилось?

— На периметре нашей гарнизонной части ранен часовой. Прямо во время, так сказать, боевого бдения. Вооруженное нападение на часового! Сам понимаешь! Думаю донесение уже пошло на самый верх. Сейчас тебя дернут.

— Почему меня?

— Сам догадайся, — усмехнулся Розин и, развернувшись, так же не спеша, удалился восвояси. Дверь, которую он перед этим пинком распахнул, он, как обычно, оставил открытой.

Крисп с досадой отодвинул от себя стакан с чаем и дело, которое он намеревался еще раз спокойно перечитать, перед тем, как отдать его в канцелярию для направления прокурору. Розин, естественно был прав. Сейчас его вызовут и направят для осмотра места происшествия. Собственно говоря, вызывать, кроме него, некого. Пятаков третий год в следственной группе в Москве, Мешкова, как всегда, в декрете (отсутствие мужа не мешает ей отправляться туда с завидной регулярностью), одна вакансия, как обычно, пуста.

Раздался телефонный звонок. Крисп взял с собой фотоаппарат, дежурную папку и пошел во двор.

Командирский уазик за двадцать минут домчал его до дивизии. Раненного в ногу часового увезли в госпиталь (насколько серьезной была рана уточнялось, но была задета кость).

Крисп добрался до поста, на котором находился раненый часовой и осмотрелся. Пост был на окраине перелеска.

— Что он здесь охранял? — спросил Крисп сопровождавшего его прапорщика.

— Периметр, — ответил тот.

«Естественно, подумал Крисп, — что же еще он мог здесь охранять. Кому он вообще понадобился! И этот пост и этот часовой!»

Крисп огляделся еще раз. Фотографировать, строго говоря, было нечего. Он уже выяснил, что раненый часовой сам доковылял до начальника караула и сообщил ему о нападении. Тот, согласно установленному порядку, тут же оповестил начальника дивизии (тот начальника гарнизона, тот — ..., ну и т. д.), а сам с вверенными ему караульными носился по окрестностям, пытаясь по горячим следам задержать злоумышленника.

— Где находятся остальные часовые?

Прапорщик нахмурился.

— Понятно, — ответил на это Крисп.

«Секретные данные. Секрет, который известен всем. Лучше бы солдат делом занимали, а не своими огородами и дачами», — про себя чертыхнулся Крисп.

— Пойдемте в штаб. Здесь мне делать больше нечего, — сказал Крисп прапорщику, который всем своим видом при этом показал, что он этому предложению совсем не удивился.

Но Крисп случайно увидел его выпученные глаза, и чтобы усилить произведенный эффект, добавил:

— И сообщите начальнику караула, чтобы он тоже шел в штаб. Пусть заканчивает со своими поисками. Тому нечего черта искать, у кого черт за спиной!

— Что?

— Ни что, а кто. Гоголь. Вечера на хуторе близ Диканьки.

— Ведите в штаб, — приказал он вконец обалдевшему прапорщику.

В штабе их ждал командир дивизии. Лицо у него было расстроенное. Он никак не мог получить звание генерала, которое по совести давно уже заслужил. И по дальним гарнизонам поматался, и в Афганистане пострелял, и от других горячих точек не уворачивался. Но каждый раз, как только его документы уходили по инстанциям, что-то происходило: то солдаты друг другу морды (лица) начистят, то кто-то из них куда-то смоеется, то, помирившись те, кто дрались, солдатский магазин обчистят. В общем — не судьба. Вот и сейчас, насколько был информирован Крисп, документы начдива были на рассмотрении у лиц, от которых зависело генеральское звание. А тут такое! Нападение на часового! Это вам не разбитые солдатские лица (морды). Это прямо-таки война!

Немного позади начальника дивизии стоял начальник караула.

— Здравия желаю, — поздоровался Крисп.

— Привет, — расстроенным голосом приветствовал его командир.

— А где ваши часовые? — не откладывая дело в долгий ящик, поинтересовался Крисп у начальника караула.

— В караульной.

— Никуда их не отпускайте. Лучше всего запирайте там. А мне принесите план их расстановки по постам.

— Это же...

— Несите, — успокаивающимся голосом произнес начдив. Уверенная манера Криспа ему очевидно понравилась.

— Где можно разместиться, — спросил у него Крисп.

— У меня в кабинете. И?

— Чаю, если можно.

— Сейчас будет. А я — по делам?

— Естественно. В течение часа доложу. Да! Меня надо будет связать по телефону с доктором, который занимается нашим раненым героем.

— Уже делается.

Крисп и начдив конечно знали друг друга, хотя в тесном кругу никогда не общались, но заочно были друг о друге хорошего мнения. Очная

встреча не разочаровала Криспа. Они друг друга понимали с полуслова.

В кабинете уже дымился горячий чай и трезвонил телефон. С. поднял трубку и услышал:

— Как самочувствие?

— Нормально. Сезон простуды еще впереди.

— Обращайся.

— Тьфу на тебя. Что там с раненым.

— Ранение касательное, пуля попала на излете, хотя кость, кажется, задета. Я все почистил, думаю, парень молодой, справится. Нашел злодея?

— Теперь точно нашел. Ну, бывай.

Крисп и военный доктор познакомились, когда у Криспа в очередной раз был приступ бронхита. Доктор назначил ему курс физиотерапии, потом они выпили спирт, вместе пошли в рестораны, потом болела голова (не от бронхита). Обычная военная дружба. Больше всего их объединяло то, что они друг от друга никак не зависели, а потому могли спокойно обсуждать любые вопросы. Ничто не мешает дружбе так, как субординация.

В кабинет вошел начальник караула, молодой запыхавшийся офицер. Он протянул схему расстановки постов караула.

— Долго бегали? — спросил Крисп, рассматривая схему.

— Куда?

— Не куда, а за кем. За нападавшим?

— Час, — насупился лейтенант.

— Здесь стоял наш раненый герой? — Крисп ткнул пальцем в схему.

— Да.

— А здесь кто?

— Сержант Цесаревич.

— Где он сейчас?

— В караульной, где все. Очень хороший солдат. Отслужил. Ждет приказа ехать домой.

— Ну, вот и дождался. Ведите его сюда... Да... Оружие у него отобрать и отдать на ответственное хранение. Я потом скажу, куда его надо будет отвезти.

Лейтенант, ничего соображая, выбежал из кабинета.

Крисп удовлетворенно отхлебнул чай...

Вечером, когда Крисп заканчивал листать незаконченное утреннее дело, дверь от знакомого пинка распахнулась, в кабинет вслед за струей вонючего дыма, ввалился Розин.

— Ну, рассказывай. Давай свои, во-первых, во-вторых. Люблю, когда ты это делаешь.

Крисп откинулся на спинку кресла. Конечно, Розин ему мешал. Осталось дочитать чуть-чуть. Сейчас внимание рассеется, и опять какую-нибудь мелочь упустишь, потом будет звонить прокурор, и компостировать мозги. Но и от Розина не отвертишься. Да и мужик он неплохой. Всегда поможет, если что. Ну, и лишний раз потешить собственное самолюбие, тоже не последнее дело.

— Во-первых, кому здесь понадобился наш часовой? Глупость полная. Все охраняемые в нашем гарнизоне секреты известны не только потенциальному, как говорится, противнику, но и всем окрестным бабкам. Понятно, что стрелял кто-то из своих.

— Разумно.

— Во-вторых, никто, кроме караульных это сделать не мог, потому что только у них было оружие. В-третьих, стреляли не в часового. Ведь пуля попала на излете, так что стреляли просто так, а в часового попали случайно. В-четвертых, оставалось только посмотреть план расстановки караульных, чтобы понять, откуда мог быть произведен выстрел. А по плану этот пост просматривался только с одной точки. С точки, на которой стоял практически дембель, сержант Цесаревич.

— Вуаля! Как всегда — ты гений! Долго этот Цесаревич отпирался?

— Целых пять минут. До того, как я сказал ему, что скоро отстреляют его автомат, и сопоставление пуль, одна из которых из ноги раненого, докажет, что выстрел был произведен из его оружия. Кстати, парень-то, как и говорил начальник караула, действительно неплохой. За время службы одни поощрения. Его и оставили-то только потому, что он — сама надежность. А то пока эти новобранцы чему-то мало-мальски научатся. Короче, пострадал, радея за Родину.

— Ну, это у нас в порядке вещей. А где же, в-пятых? У тебя же либо пять, либо десять?

Крисп опять откинулся на спинку.

— В-пятых? Изволь. Бардак. Представь картину, стоит этот дембель Цесаревич на посту,

мается от скуки. Берет автомат и начинает палить в столб, который находится аккурат в зоне видимости другого часового. Самое интересное, что я потом пошел посмотреть на этот столб, он весь в следах от пуль. Уверен, что таким образом развлекался не только Цесаревич. Отсюда два вопроса. Первый. Как так получалось, что караульные расстреливали столб, а по израсходованным боеприпасам все сходилось? То есть патроны, вроде как все на месте. Второй. Идет стрельба на периметре, а никто ничего не слышит? Глушителей у них точно нет. А самое интересное знаешь что?

— Что?

— Когда наш раненый герой пришел к начальнику караула, тот взял с собой Цесаревича, как самого надежного и ответственного солдата, и носился с ним по лесам, в поисках неизвестного нападавшего.

— Да, забавно, — усмехнулся Розин. — И что? Будешь писать представление?

— Буду. Заставят. Хотя одним представлением общий бардак не ликвидируешь. Солдаты должны учиться воевать, а не огороды пахать, не косить траву саперными лопатками, не красить листочки деревьев зеленой краской, не отдавать посылки из дома офицерам, не заниматься в увольнительной попрошайничеством...

— Ну, все. Поехал.

— Ты сам спросил.

— Ты же знаешь, наше дело ловить злодеев. Остальным пусть занимаются начальники. Кстати, а что с этим Цесаревичем будет?

Крисп вздохнул.

— Дурак, конечно. Но пацана жаль. Все будет зависеть, как пойдет лечение раненого. Надеюсь, удастся избежать реального срока.

Оба замолчали. Розин затаился и выдохнул дым прямо в Криспа. Тот сморщился, как ежик.

— Вряд ли мы сделаем это мир лучше, — произнес он. — Что же нас ждет?

— Работа, — ответил Крисп, с сожалением думая, что ему завтра утром придется снова приходиться раньше времени на службу, чтобы дочитать дело, которое он должен отдать прокурору.

Игорь Мацкевич